

Л. Н. ТОЛСТОЙ

<О «Наказе» Екатерины и «Духе законов» Монтескье>

<Фрагмент из «Дневника. 1847–1854»>

<...>

18 марта. Я читал наказ Екатерины (2) и так как дал себе вообще правило, читая всякое серьезное сочинение, обдумывать его и выписывать из него замечательные мысли, я пишу здесь мое мнение о первых шести главах этого замечательного произведения. — Начиная свой наказ, в инструкции Екатерина говорит: *Religio Christiana docet nus, ut alter alteri tantum boni faciamus, quantum quidem in cujusque nostrum viribus situm est* *. Из этого понятия она выводит следующее заключение: *unumquemque probum et honestum virum viventem in civitatem vel teneri, vel incensum iri [desiderio], conspiciendi totam, quanta est, patriam suam in summo fastigio felicitatis, gloriae, beatitudinis et tranquillitatis* **. — Эта странная несообразность совершенно мне непонятна, ибо слава по понятиям Христианск[ой] Религ[ии], есть предмет скорее достойный порицания, чем желаний человека. — 2-й вывод: желание видеть своего ближнего спокойным под покровительством законов, совершенно [с]праведлив. — I глава

* Религия христианская научает нас взаимно делать друг другу добро, сколько каждый в силах. (*лат.*)

** Желание всякого честного человека в государстве состоит или будет состоять в том, чтобы видеть все отечество свое на самой высшей степени благополучия, славы, блаженства и спокойствия. (*лат.*)

заключает в себе доказател[ьство] того, что Россия есть держава Европейская. — II глава содержит доказательства необходимости единодержавия тем более убедительные, что она говорит о Монархе в идее. — Как не велик бы был ум женщины, но всегда вы найдете в проявлениях его какую-то мелочность, неосновательность, и п[отому] Екатерина в числе своих доказательств необходимости верховной власти говорит: *Altera haec est ratio: melius obedire legibus sub uno domino, quam obsequi pluribus* *. — Или: *Monarchici regiminis scopus et finis est gloria civium imperii et imperantis* **. III и IV глава: *de tuitione constitutionum imperii* *** содержит мысли самые обыкновенные.

Глава V: *De statu omnium regni incolarum* **** начинается философской мыслью, что счастлив тот человек, воля которого под влиянием внешних обстоятельств покоряет его страсти. Читая это, я думал, что из этого положения она выведет понятие о законе, который и есть внешнее обстоятельство, имеющее влияние на волю и делающее подчиненного закону счастливым; но она далее переходит к понятию о возможном равенстве в Г[осударств]е, т. е. подчинении всех одним законам. — Понятия о свободе под правлением Монархическим суть следующие: свобода, говорит она, есть возможность человека делать все то, что он должен делать, и не быть принужденным делать то, что не должно делать. Я бы желал знать, что понимает она под словом *должно* и *не должно*; ежели она разумеет под словом, что *должно* делать,

Естественное право, то из этого ясно следует, что свобода может только существовать в том Государстве, в законодательстве которого право естественное ни в чем не разнствует с правом положительным — мысль совершенно верная. — Далее в подтверждение своего мнения Екатер[ина] приводит чрезвычайно замысловатое доказательство: Свобода есть право действовать по законам. Ежели же Гражданин поступает противозаконно, то этим самым он дает другим право действовать также, и этим нарушена свобода. *Libertas politica in civibus est tranquillitas*

* Другая причина та, что лучше повиноваться законам под одним господином, нежели угождать многим. (лат.)

На полях против этого места написано: *почему?*

** Намерение и цель самодержавных правлений есть слава граждан, государства и государя. (лат.)

*** о безопасности постановлений государственных (лат.).

**** О состоянии всех в государстве живущих (лат.).

animi, quae oritur ex opinione unum quemque eorum priva frui securitate. — Ut autem possideant homines eiusmodi libertatem, leges ita oportet esse comparatas, ne civem civic timeat, sed omnes timeant vim legum * — говорит она в заключение.

VI глава содержит понятия о законах вообще. Сначала она говорит о содержании законов. Далее представляет мысль самую возвышенную о характере законодательства. — Ut immotae semper servantur leges, necesse est eas tam bonas esse, tam que omnibus refertas modis ad attingendum summum quod mortalibus habere licet bonum; ut quisque parens illis in ea versetur persuasione, contendendum sibi esse pro viribus suae ipsius utilitatis ergo ne quis leges has loco suo moveat subruat ve **. — Далее, говоря о влиянии, которое должны иметь на законодательство Религия, природа, законы, правила, принятые в основание, нравы, обычаи и история, замечает при этом, что характеры народов составлены из добродетелей и пороков. — И соединение этих качеств между собою составляет счастье или несчастье народа. Потом приводит примеры. — Замечательны понятия об обычаях. Она говорит: закон есть постановление законодателя, обычай же есть постановление целого народа; и так, ежели нужно произвести переворот в законодательстве народа, то закон истребляй законом, а обычай обычаем. Потом: Средство для искоренения преступления есть законное наказание; средство для искоренения обычая есть пример. Кроме то[го], сообщения с другими народами имеют влияния на обычаи. —

В заключение она говорит: Verbo: omnis poena, quae imponitur non urgente necessitate, est tyrannica ***. —

19 марта. Во мне начинает проявляться страсть к наукам; хотя из страстей человека эта есть благороднейшая, но не менее

* Политическая свобода в гражданах есть спокойствие духа, происходящее из убеждения, что каждый из них пользуется своей безопасностью; и чтобы люди имели эту свободу, законы должны быть таковы, чтобы граждане не боялись друг друга, но чтобы все боялись силы законов. (лат.)

** Для нерушимого сохранения законов надлежит законам быть столь хорошими и в такой мере обладать всеми средствами для достижения возможного для людей величайшего блага, чтобы всякий, оказывая им повиновение, пребывал неизменно в убеждении, что ему для собственной его пользы из всех сил следует добиваться того, чтобы этих законов никто не смел колебать и тем более нарушать. (лат.)

*** Словом сказать: всякое наказание, которое не по необходимости налагается, есть тираническое. (лат.).

того я никогда не предамся ей односторонне, т. е. совершенно убив чувство и не занимаясь приложением, единственно стремясь к образованию ума и наполнению памяти. Односторонность есть главная причина несчастий человека. — Продолжаю разбирать Наказ Екатерины. VII глава *De legibus particulatim* *. Начинается парадоксом: *Leges, quae intra mensuram boni non consistunt, in causa sunt, ut nascatur malum immensum* **. — Далее говорит она, что умеренность, а не жесток[ость], управлять может людьми. — (Я бы прибавил к этому: «в Монархиях».) Потом говорит, что наказания должны быть выводимы из природы самого преступления. Опять прибавлю: «в Монархиях». Ибо История нам показывает, что законы Дракона (3), Ликурга (4), быв самые жестокие и несообразные с природой преступления, были терпимы, ибо, так как справедливо замечает Montesquieu: В Республике народ есть вместе подчиненная и верховная власть; следовательно, так как так[ие] законы суть выражением воли народа, то они и терпимы им, и так как народ сам управляет собою, то не нужно, чтобы наказания выводимы были из природы преступления; ибо воля граждан в Республиках служит мерою наказаний. — Далее Екатерина, разделяя преступление на преступления против Религии, против нравов, против спокойствия и тишины, и против безопасности граждан, и показывая, какого рода наказания должны быть накладываемы на каждый класс этих преступлений, доходит до весьма ложного заключения, выводя каждое наказание из существа преступления. Именно, о последнем классе преступлений она говорит, что наказания за таковые преступления суть изгнания, смерть за смерть, денежная пеня за отчуждение собственности; но, говорит, так как большей частью те, которые покушаются на имущество другого, не имеют оно, то пеня заменяется казнью. Эта мысль недостойна великой Екатерины. Разве вознаграждается обиженный за свое похищение смертью другого? Разве не может Государство вознаградить потерю обиженного и удержать члена общества, который может еще быть ему полезен. — Следующая глава вся служит опровержением этой ложной мысли. Здесь она доказывает весьма верно необходимость умеренности в наказаниях, потом говорит об ошибках,

* О законах в частности (*лат.*).

** Законы, не сохраняющие меру в добре, бывают причиною, что отсюда рождается безмерное зло. (*лат.*).

делаемых иногда законодателем, говоря, что часто законодат[ель] для уничтожения известного зла употребляет жестокость; когда же это главное зло прекращается, остается только порок, произведенный этой жестокостью. — Далее совершенно противоречит себе, говоря, что выше несправедливо наказывать убийц равно с грабителями; потом говорит, что наказания, уродующие тело человека, должны быть отменены. — Как же принимать смертную казнь, не принимая уродования? Главное уродование тела есть отделение его от души. —

В этой же главе являются некоторые понятия об Уголовной полиции.

В IX главе содержатся правила о производстве суда вообще. — Необходимость правительств или учреждений она доказывает тем, что этим утверждается безопасность граждан и для того-то перенос дел, по ее словам, к самому Государю учинен столь трудным. — Затруднения в апелляции к самому Г[осудар]ю учреждены или потому что Г[осудар]ь не желает безопасности и счастья своих граждан, или потому что он сознает неспособность свою оправдать свои законы. — Далее, излагая причины разнородности мнений судейских, говорит, что это происходит от того, что одни [и] те же дела бывают иногда дурно, иногда хорошо защищаемы, или же еще потому, что во все то, что проходит через руки человеческие вкрадываются необходимо злоупотребления. Почему же гражданам, страдающим от этих злоупотреблений, не открыть путь к Монарху? —

В этой главе весьма много замечательных мыслей, как н[а] п[ри]мер]: «Разбирая все формальности в судах, встречающиеся в отношении трудностей, сопряженных с всяким восстановлением прав для Гражданина, мы найдем, что этих формальностей слишком много; ежели же мы будем рассматривать эти формальности в отношении безопасности Граждан, сопряженной с ними, то мы найдем их слишком мало, и эти трудности суть цена безопасности Граждан». — Или ее мнения об уничтожении пытки. Применять ее только в том случае, когда преступник не признает и не отрицает своего преступления. — Или мнение ее о том, почему не должно часто употребляться крестоцелование, и в каких случаях оно может быть принято. — Мысль о том, что важные преступники могут избирать судей по своему делу, показывает ее стремление оправдать Монархическую власть и доказать, что свобода существует при повиновении законам, от Монарха

происшедшим, забывая, что свобода при повиновении законов, не от народа происшедших, не есть свобода. — Последние две статьи прямо заимствованы из *L'esprit des lois de Montesquieu*; в первой она опровергает древнее Римское постановление о том, что позволялось судьям брать подарки с условием, чтобы сумма полученных денег не превышала бы ста ефимков (5), говоря, что те, которым ничего не предлагается, ничего и не желают, те же, которым что-нибудь предложено, желают большего и наконец многого. — Вторая статья говорит о том, что конфискование приобретенных имений в пользу Монарха может быть принято только при оскорблении Величества. По моему мнению, конфискование в пользу Г[осуда]ря никогда не может быть оправдано, ибо, уже не говоря о том, что несправедливо наказывать детей за преступления отца, так как Монарх в Г[осударст]ве есть все, но не гражданин, то и преступления против Величества суть преступления против Г[осудар]я, но не против частного лица, и по разделению Екатерины преступлений на 4 класса, преступления против Величества принадлежат к 4-му, т. е. нарушают спокойствие граждан, то, выводя наказание из существа преступления, мы найдем, что наказания за преступления [против] Величества должны быть лишение прав, отчуждение от общества и вообще лишение всех тех преимуществ, которыми пользовался преступник под покровительством законов, но отнюдь не есть конфискование имущества в пользу Государя. Тем более, что этого рода наказания произведут легко в народе ропот и побудят его находить в каждом преступлении * более любовь к корысти, чем к справедливости.

21 марта. В X главе излагаются основные правила и опаснейшие ошибки, касающиеся до Уголовного судопроизводства. —

В начале этой главы она задает себе вопрос. Откуда происходят наказания, и откуда происходит право наказывать? На первый вопрос она отвечает: «наказания происходят от необходимости охранения законов». — На второй отвечает тоже весьма остроумно. Она говорит: «право наказывать принадлежит одним законам, а делать законы может только Монарх, как представитель всего Г[осударств]а». — Во всем этом наказе представляются нам постоянно два разнородные элемента, которые Екатерина постоянно хотела согласить: именно, сознание необходимости конституционного правления и самолюбие, т. е. желание быть

* Описка вместо: *наказания*.

неограниченной властительницей России. Н[а]п[ри]мер, говоря, что в Монарх[ическом] правл[ении] только Монарх может иметь законодательную власть, она принимает существование этой власти за аксиому, не упоминая происхождения ее. — Низшее правительство не может накладывать наказаний, ибо оно есть часть целого, а Монарх имеет это право, ибо он есть представитель всех граждан, говорит Екатерина. Но разве представительство Государем народа в неограниченных Монархиях есть выражение совокупности частных, свободных волей Граждан? Нет, выражение общей воли в неограниченных Монархиях есть следующее: я терплю зло меньшее, ибо если бы не терпел его, подвергнулся бы злу большему.

Второй вопрос состоит в том, какие нужны способы для содержания обвиненного под стражей и для открытия преступления? При разрешении первой части этого вопроса она говорит, что содержание обвиненного под стражей есть наказание, предшествующее осуждению. Екатерина чувствовала ложность этого понятия и несправедливость этого обычая и старалась оправдать его, говоря, что всякий обвиненный необходимо должен быть виновен. Но за что же тот, который виновнее во сто крат обвиненного, но не обвиненный потому, что не имеет врагов, не терпит равного наказания? По моему мнению, содержание под стражей обвиненного никогда не может быть оправдано; ибо это есть высшая несправедливость: невинных и преступных подвергать одним наказаниям, богатых же и бедных различать, ибо богатые легко сыщут себе поруки, бедные же редко. — В этой же главе встречается совершенно Республиканская мысль. Именно, она говорит, что решения дел должны быть народны, для того чтобы граждане сознавали свою безопасность под покровительством законов. — Разве может существовать безопасность граждан под покровительством законов там, где не только решения судейские, но и законы применяются по произволу самодержца. —

Потом замечательно ее предложение, чтобы позволено было уже обвиненным преступникам оправдываться. — Это постановление, хотя и имеет высокую моральную цель дать все возможные способы преступнику оправдаться, не может быть принято в положительном законодательстве, ибо это повело бы к большим злоупотреблениям. — Преступник, представляя ложные доказательства, старался бы только отдалить от себя срок своего приговора. *Fides testis eo minoris est ponderis, quo*

gravius est maleficium, et res id circumstantes minorem prae se ferunt verisimilitudinem * — говорит она. Решение III Вопросы о том, не нарушает ли пытка справедливости и не противна ли она цели законов, было бы обыкновенно в нашем столетии; но при тогдашних грубых понятиях оно было делом великого ума и возвышенных чувств Екатерины. — Пытки вообще употребляли или для вынуждения признания своего преступления от обвиненного, или для узнавания от него про его сообщников, или для выпытывания у него его прежних преступлений, или для объяснения противоречий, которые он показал при допросе. Про первое приложение пытки она говорит, что пытка, имея целью распознать виновного, напротив сглаживает все различие, которое между ними существовало (в отношении судей). Про второе она говорит, что тот, кто уже обвинил себя, без труда обвинит и других, и что справедливо не наказывать одного за преступления других. Про третье она говорит, что такого рода пытка будет наказание за то, что человек мог быть бы еще хуже. — Про четвертый род пытки она говорит, что при допросе мешается в словах как виновный, так и невинный. Все доказательства чрезвычайно остроумные. — Вопрос IV состоит в том: Должны ли наказания б[ыть] сообразны с преступлениями? Между прочим дельными замечаниями на счет этого она говорит: Quamquam leges non possunt punire consilium seu propositum, dici tamen nequit, actionem, per quam crimen incipit existere, quaeque revelat voluntatem criminis patrandi, non mereri poenam, quamvis minorem constituta ad puniendum crimen iam re ipsa perpetratum **. —

22 марта. По моему мнению, намерение, так как есть действие души, не выразившееся во внешности, никогда не может быть противно закону Юридическому, ибо оно не подлежит ему. Все действия души не подлежат ничему, кроме воли, а воля есть способность неограниченная. Хотя сказано, что подлежат наказанию деяния, доказывающие преступное намерение, но и эти деяния не должны быть наказываемы, ибо таковые деяния сами по себе

* Имоверность свидетеля бывает тем меньше, чем преступление более тяжко и обстоятельства менее вероятны. (лат.)

** Хотя законы и не могут наказывать намерения или предположения, однако нельзя сказать, чтоб действие, которым начинается преступление и которое изъясняет волю, стремящуюся произвести самим делом это преступление, не заслуживало наказания, хотя меньшего, нежели какое установлено за преступление уже исполненное. (лат.)

никакого вреда не приносят. — А намерение его, так как подлежит влиянию его воли, то злое намерение перед осуществлением своим [может] перемениться в доброе. Сильнейшее проявление совести человека бывает обыкновенно перед совершением какого-нибудь зла. — Далее Екатерина говорит, что когда преступники собираются, то обыкновенно они стремятся к тому, чтобы уравнивать между собой опасность совершения преступления, и для того, чтобы опасность эта не была равна, то исполнителям преступления назначается наказание большее, чем сообщникам его. Справедливо. — Но замечание ее, что ежели совершитель преступления получает за это какую-нибудь известную плату, то наказание должно быть всем равное, не может быть приложено в положительном законодательстве, хотя оно морально и справедливо. В самом деле, люди, рассматривая с точки зрения нравственности, которые платой побуждают человека к совершению преступления, более преступны, чем те, которые только составляют замысел преступления, и тот человек, который за плату соглашается совершить преступление менее преступен, чем тот, который из одного желания сделать преступление решается на оное. Рассматривая же с точки зрения положительной, мы найдем, что всякое наказание должно быть соразмерно с выгодой, приносимой преступлением. — Ее мнение, что нужно определить законом, что преступник, который доносит на своих сообщников — не должен быть наказываем, я не оправдываю, несмотря на все выгоды, каковые такое постановление могло бы принести, ибо во-первых потому, что человек, изменивший своему слову, не добродетелен, а правительство должно поддерживать добродетель, а во-вторых потому, что ни в каком случае не должна быть в законах несправедливость (не наказывать преступника есть несправедливость), а по моему мнению, закон положительный, чтобы был совершенен, должен быть тождествен закону нравственному. —

24 Мар. Я много переменился: но все еще не достиг той степени совершенства (в занятиях), которого бы мне хотелось достигнуть. — Я не исполняю того, что себе предписываю; что исполняю, то исполняю не хорошо, не изошряю памяти. — Для этого пишу здесь некоторые правила, которые, как мне кажется, много мне помогут, ежели я буду им следовать. 1) Что назначено непременно исполнить, то исполняй, несмотря ни на что. 2) Что исполняешь, исполняй хорошо. — 3) Никогда не справляйся в

книге, ежели что-нибудь забыл, а старайся сам припомнить. 4) Заставь постоянно ум твой действовать со всей ему возможной силой. 5) Читай и думай всегда громко. 6) Не стыдись говорить людям, которые тебе мешают, что они мешают; сначала дай почувствовать, а ежели он не понимает, то извинись и скажи ему это. — Сообразно со вторым правилом, я хочу непременно кончить комментировать весь наказ Екатерины.

Вопрос V о том, какова мера наказаний, решен так: зло, которое приносит преступнику наказание, должно быть выше добра, которое преступление могло бы ему доставить. — Я не согласен с этим. Преступление должно быть совершенно соразмерно наказанию. Может быть скажут на это, что ничто не будет удерживать людей от совершения преступления, ибо тогда сколько преступник может, решаясь на преступление, выиграть столько же, сколько и проиграть. — Пускай и будет так. Ежели начало добра преобладает в людях, то они больше будут иметь стремления не совершать преступлений, чем совершать их; ежели же преобладает начало зла в людях, то они всегда будут следовать ему; ибо оно будет им свойственное начало. — VI вопрос. Нужна ли в Государстве смертная казнь? Екатерина говорит: «в благоустроенном Государстве никакой нет нужды налагать смерть преступникам, в Анархиях же это необходимо». Почему? Еще необходима смертная казнь, говорит она, тогда, когда преступник, даже лишенный свободы, может быть опасен Г[осударств]у. — Когда бывает преступник, даже лишенный свободы, опасен Г[осударств]у? Бесполезность смертной казни она весьма справедливо доказывает тем, что сильные впечатления — вид казни — не продолжительны; но уверенность в том, что всякому преступлению неизбежно следует наказание, способна предупредить преступления. —

Вопрос седьмой состоит в том, какие наказания накладываются на каждый род преступлений?

В числе некоторых рассуждений она говорит о том, какие должны быть налагаемые наказания юродствующим — фанатикам: «надо остерегаться, чтобы телесно не наказывать такого рода преступников, ибо эти наказания были бы для них пищей их гордости и фанатизма». Совершенно справедливо. При этом случае мне приходит в голову мысль, что в Г[осударств]е, которое основано на злоупотреблениях (не только основано, но даже существует одно злоупотребление), не может существовать справедливости. — Справедливость в отношении преступления

есть соразмерность преступлений с наказан[иями], но так как понятия и чувства людей различны, то то, что есть жесточайшее наказание для одного, есть благо для другого. —

Следовательно, справедливости не существует. Вопрос: какие же это злоупотребления? 1) То, что по многочисленности Граждан преступления должны быть одни и те же, несмотря на чувства и понятия граждан. 2) То, что в нынешних Г[осударства]х более занимаются тем, чтобы дать гражданам силы, с которыми бы они могли быть полезными Г[осударств]у, не заботясь о том направлении, которое они принимают в употреблении этих сил. 3) То, что один властелин может ошибиться в наложении каждому преступнику особенного наказания. Народ же, когда имеет Верховную власть, не ошибется, ибо он знает каждого своего члена. — При разрешении этого вопроса замечательны некоторые мысли Екатерины, как, н[а]п[ример], та, «что справедливо и полезно, чтобы судебные решения были бы объявляемы как можно скорее; справедливо потому, что преступн[ик] не мучается неизвестностью, а полезно потому, что тогда наказание кажется ближайшим след[ствием] преступления». — Или: «Чем наказания будут кротче, тем бесполезнее будет милосердие и прощение. — Ибо в самих законах будет дух милосердия». — Или: «Что ежели законы будут наказывать равно, как важные, так и легкие преступления, то произойдет то страшное противоречие, что законы будут наказывать преступления, ими самими же произведенные». О Дуэлях Екатерина говорит совершенно справедливо, что лучший способ предупредить этого рода преступления: наказывать обижающего, а обиженного признать невинным. — Совершенно справедливо говорит Montesquieu: *Le principe du gouvernement monarchique est l'honneur**. — Справедливо тоже она говорит о наказании, которое должно быть налагаемо за провоз запрещенных товаров. — Я не согласен с ней в том, что она говорит о проторговавшихся, именно: что банкроты, которые могут доказать, что их неустойки произошли от несчастных обстоятельств, а не от их вины, не должны быть наказываемы. По моему мнению, всякое преступление происходит более или менее от несчастных обстоятельств, но не менее того справедливость требует, чтоб они были наказываемы. — VIII вопрос. Какими способами могут быть предупреждены преступления. — Содержит отрывочные мысли,

* Принцип монархического правления есть честь. (фр.).

из которых некоторые весьма замечательны, как н[а]п[ример]: Vultus ne antevenire crimina? Facitote, ut leges non tam variis inter cives ordinibus faveant, quam cuique civi singillatim *. —

XI Глава содержит некоторые замечания на счет рабства; в числе которых замечания следующие. Во-первых, она начинается тем, что говорит: «Г[осударств]о есть общество, благоустроенное; в нем необходимо должны существовать повелевающие и повинующиеся. — Монарх же обязан облегчать по возможности состояния повинующихся. — Далее говорит, что рабство невозможно вдруг уничтожить; но что нужно издать некоторые постановления, касающиеся до имуществ рабов. — В XII главе говорится об умножении народонаселения, и справедливо говорит Екатерина, что главная причина малого прибавления народонаселения есть бедность. — Средством против этого она хочет сделать разделение земель всем не имеющим оных и подать им способы вспахать и обработать их. — Очень хорошо говорит она в этой же главе о том, что несправедливо давать, как то делается в других странах, премии тем, у которых десять или 12 детей, т. е. награждать исключения; но надо заботиться об облегчении состояния граждан для удобства им воспитывать детей. Ибо, в самом деле, за что же награждать отца, не за то ли что он наделен особой плодородностью от природы, или за то, что счастливое стечение обстоятельств оставило в живых всех 12 сыновей его, или за то, что он исполнял долг отца — т. е. берег детей своих. — В главе XIII говорится о рукоделиях и торговле. — Справедливо замечает Екатерина, что земледелие есть начало всякой торговли, и что в той земле, где люди не имеют своей собственности, земледелие процветать не может; ибо люди обыкновенно больше пекутся о вещах, им принадлежащих, чем о вещах, которые от них могут быть всегда отняты. — Вот причина, по которой в нашем отечестве земледелие и торговля процветать не могут до тех пор, покуда будет существовать рабство; ибо человек, подвластный другому, не только не может быть уверен постоянно владеть своей собствен[ностью], но даже не может быть уверен в своей собственной участи. — Потом: «Искусным земледельцам и ремесленникам должно давать премии». — По

* Хотите ли предупредить преступления? Сделайте, чтоб законы благодетельствовали не столько различным разрядам граждан, как особо всякому гражданину. (лат.)

моему мнению, в Г[осударств]е равно необходимо наказывать зло, как вознаграждать добро. —

25 марта. Недостаточно отвращать людей от зла, нужно еще их поощрять к добру. — Далее она говорит, что тех народов, которые по климату ленивы, надо приучать к деятельности отнятием у них всех способов пропитания, исключая труда; замечает тоже, что эти народы обыкновенно бывают склонны к гордости, и что самая эта гордость может служить орудием к истреблению лени. Народы, по климату ленивые, всегда бывают одарены пылкими чувствами, и ежели бы они были деятельны, то Г[осударств]о было бы несчастнее. — Лучше бы сделала Екатерина, ежели бы сказала: люди, а не народы. — И в самом деле, прикладывая ее замечания к частным лицам, мы найдем, что они чрезвычайно справедливы. Потом она говорит, что в многонаселенных странах машины, заменяющие руки работников, часто не нужны и пагубны, а что для вывозимых рукоделий чрезвычайно нужно употреблять машины, ибо те народы, которым мы продаем их, могут купить такие же товары у соседственных народов. — Я думаю совершенно напротив, машины для рукоделий, внутри Г[осударств]а обращающихся, бесконечно полезнее машин для рукоделий вывозимых товаров. Ибо машины для рукоделий общепользных, сделав эти рукоделия много дешевле, улучшили бы состояния граждан вообще; между тем как вывозимые товары приносят выгоды только одним частным лицам. Мне кажется, что причина бедности низшего класса в Англии есть та, что: во-первых, он не имеет поземельной собственности, и во-вторых потому, что там все внимание исключительно устремлено на торговлю внешнюю. Весьма справедливо говорит Екатерина, что великое зло для торговли суть Монополии. — По моему мнению, Монополия есть зло и притеснение Торговли, купечеству и самим гражданам. Для торговли это есть зло потому, что ежели бы Монополии не существовало, то вместо одного лица или компании, занимающейся этой частью торговли, занимались бы ею большее число торгующих. — Для купечества потому, что оно лишено участия в этой части торговли. — И для граждан потому, что каждый монопол дает как бы свои законы гражданам. — К несчастью, это зло в нашем отечестве пустило глубокие корни. — Далее Екатерина говорит о том, что весьма бы было полезно устроить банк; но чтобы граждане не сомневались в неприкосновенности этого банка, нужно, чтобы он был

учрежден при каком-нибудь благотворительном заведении. — Чрезвычайно странны многие мысли Екатерины; она постоянно хочет доказать, что хотя монарх неограничен ничем внешним, он ограничен своей совестью; но ежели монарх признал себя, вопреки всем естественным законам, неограниченным, то уже у него нет совести, и он ограничивает себя тем, чего у него нет. Потом Екатерина старается доказать, что ни Монарх, ни благородные не должны заниматься торговлей. Что Монарх не должен заниматься торговлей, это ясно, ибо ему не нужно бы было даже торговать, чтобы завладеть всем в своем Г[осударств]е, ежели бы он этого хотел. —

Но почему же благородные в России не должны торговать? Ежели бы у нас была Аристократия, которая бы ограничивала Монарха, то в самом деле ей бы и без торговли было бы много дела. — Но у нас нет ее. — Наша Аристократия рода исчезает и уже почти исчезла по причине бедности; а бедность произошла от того, что благородные стыдились заниматься торговлей. — Дай Бог, чтобы в наше время благородные поняли свое высокое назначение, которое состоит единственно в том, чтобы усилиться. — Чем поддерживается деспотизм? или недостатком просвещения в народе, или недостатком сил со стороны угнетенной части народа. — Далее в этой же главе замечательны ее мысли на счет того, что закон, присваиваемый Монархам в некоторых Г[осударства]х, завладеть имуществом умершего иностранца или грузом разбитого корабля в его владениях, несправедлив и бесчеловечен. — И на счет того, что правительство обязано помогать старым и больным ремесленникам и сиротам их. — XIV Глава не содержит в себе ничего особенного. <Замечу только, что везде, где Екат[ерина] говорит о Монархической власти, она приписывает ей все возможные добродетели, как необходимые атрибуты оной н[а]п[пример]> Исключая того, что она говорит о семействе. Именно, семейство должно быть управляемо также, как большее семейство, которого оно составляет часть. Я бы сказал наоборот.

В XV главе говорится о дворянстве. Здесь Екатерина определяет, что есть дворянство и какая обязанность его; именно, обязанностью его она полагает. Защищение отечества и чинения в оном правосудия. — Основными правилами же его она полагает добродетель и честь. — Montesquieu признавал только одну честь основанием (principe) всего Монархического правления, она же

прибавляет к ней еще добродетель; в самом деле, добродетель может быть принята за основание Монархического правления. Но история доказывает нам, что этого еще никогда не было. Замечательна ее мысль о том, что никто лишить права дворянства не может дворянина, ежели он достоин этого звания. — В заключении о дворянстве она говорит, что пользоваться славой и почестями имеют право те, которых предки достойны были славы и почестей. — После басни Крылова о гусях (6) против этой ложной мысли ничего больше сказать нельзя. — В XVI главе говорится о среднем сословии. — К этому сословию принадлежат 1) ремесленники, 2) торговцы, 3) ученые, 4) служащие как в гражданской, так и в военной службе, но не имеющие дворянства, вообще, все те люди, которые не суть ни дворяне, ни земледельцы. — В XVII главе говорится о городах. Замечательного ничего нет. — VIII глава содержит мысли о наследстве, мысли довольно обыкновенные; между ними, однако, встречаются следующие, которые стоят того, чтобы их запомнить. Н[а]п[ри]мер, она говорит, что право наследства должно быть ограничено законами, ибо ежели бы этого не было, то часть граждан дошла бы до такой бедности, что даже была бы опасна Г[осударств]у. И что из этих законов лучший есть равное разделение имущества, ибо, говорит она, земледелие придет от этого в лучшее состояние. — В этой же главе находится замечательная мысль о том, что Г[осударств]о, которое печется более о благосостоянии детей, должно поручить опеку над малолетним матери; то же, которое печется более об имуществе малолетнего, должно поручить опеку ближайшему наследнику. — Мне кажется, что во всяком случае опеку всегда выгоднее поручить матери, чем наследнику; ибо равно редко можно встретить человека некорыстолюбивого, как и женщину, понимающую дела и управление имуществом, между тем как человек корыстолюбивый всегда будет причинять вред своему питомцу, а женщина, не знающая дел, может найти человека, с помощью которого она может пользоваться при управлении имуществом малолетнего. — В XIX главе говорится о слоге и форме свода законов. — Екатерина говорит, что Кодекс должен содержать 3 части 1) законы, 2) временные учреждения, 3) указы, — разделение, не имеющее никакого смысла. — «Законы должны быть непорочны, ибо они наказывают порок», — есть мысль высокая. — Тоже справедливо, что законы, постановляющие денежную пеню наказанием за преступления, должны быть

изменяемы со временем, ибо цена деньгам тоже переменяется. Вообще замечу, что с XII главы следующие главы больше наполняются словами, чем мыслями. —

26 марта. В XX главе содержатся разные статьи, требующие объяснения. — Сначала говорится о преступлении в оскорблении Величества. — Именно — это преступление есть совокупление слов с действием, стремящееся ко вреду Монарха или Монархии. Н[а]п[ри]мер, когда Гражданин выходит на площадь и возбуждает народ словами, то он наказывается, но не за слова, а за действие, которого началом или следствием были эти слова. Речи же против правительства клонящиеся, по причине трудности доказать это преступление, не должны быть наказываемы смертью, как вообще все преступления против Величества, а просто исправительными наказаниями. — Письма же такого рода должны быть наказываемы смертью. — Это постановление доказывает ясно, что в Деспотическом правлении Монарх не может надеяться на верность граждан. Почему? Потому что, так как в Деспотии [нет] договора, посредством которого одно лицо имело бы право, а граждане обязанность, и наоборот, а властью этой завладело одно лицо посредством силы, то и говорю я: так как такого договора в Деспотии не существовало, то и обязанности со стороны граждан существовать не может. — Ежели мы хотим поддержать власть, происшедшую из преобладающей силы — злоупотребления, то лучший способ есть злоупотребление и сила, — как это и выразила Екатерина, положив наказания за выражение своих мыслей. — Весьма замечательна в этой же главе мысль о том, что свобода книгопечатания развивает дух народа. — Довольно странны мне показались в этой главе две мысли, которые мне никак не хочется приписать Ека[терине], именно: 1) что она, кажется, признает существование колдовства, и 2) что она говорит, что Православная Религия есть одна истинная, а все другие христиане суть заблудшие овцы. — Далее встречается мысль, взятая прямо из Montesquieu, который, рассуждая о том, когда разрушается Республика, говорит, что это бывает тогда, когда имущества граждан перестают быть имуществом всего народа, и каждый гражданин уже более печется о своей собственности, чем о собственности всего Г[осударства]. Эту-то мысль, говорю я, Екатерина взяла и приложила ее к Монархии. — Забывая, что в Монархии причины, побуждающие граждан быть полезными Г[осударств]у, суть не общие, Г[осударствен]ные, но частные. —

Ибо, не имея участия в правлении, граждане не имеют тоже желания быть ему полезными и еще более жертвовать общему частным. — И далее встречается чудесное сравнение управления Г[осударствен]ного с машиной. Именно, чем проще оно, тем оно лучше. —

Потом она говорит, что право прощать должно принадлежать Монарху, и что кого именно прощать, определить этого нельзя, а это определяют самые чувства монарха. По моему мнению *Jura reservata* никогда не могут быть оправданы. Во-первых потому, что они подают надежду преступникам избежать наказания, а во-вторых потому, что это есть не что иное, как способ, изобретенный Верховной властью, весьма остроумный действовать против законов по закону. — За сим следует заключение весьма простое, в котором она говорит, что умрет с горести, ежели свод законов, который она поручает составить, не будет совершенен, и ежели будет существовать народ счастливее и славнее Русского. — В прибавлении в XXI главе говорится о Полиции. В ней она весьма справедливо делает различие между преступлениями и полицейскими проступками. Первые, говорит она, подлежат силе закона, вторые же — власти оного; главная цель наказания первых есть та, чтобы избавить общество от преступника, главная же цель наказания вторых есть исправить преступника и сохранить для общества хорошего Гражданина. —

XXII и последняя глава Наказа Екатерины есть одно из лучших мест всего наказа. — В этой главе говорится о доходах и расходах Государственных. — Она начинается так: Каждый человек должен себе сказать «есмь человек и ничего человеческого не признаю себе чуждым», — или так 1) человек никогда, никогда не должен забывать другого человека; 2) все, что ни делается на свете, делается для человека — человеком же. — Из этого выводит Екатерина понятие о том, что, во-первых, ежели каждый человек имеет свои нужды, то как велики должны быть нужды Г[осударств]а. И что не только роптать против правительства, которое берет на себя обязанность исправлять все общие нужды народа, но, напротив, благодарить его следует каждому гражданину. В числе расходов Г[осударств]а, Екатерина ставит роскошь трона Императорского. — Хотя в самом деле можно положить обязанностью граждан в Монархическом правлении поддержание трона, но роскошь трона должна только существовать в Деспотии, где Монарх есть земной Бог и где расстояние между

Самодержцем и народом надо сделать как можно больше для того, чтобы могла существовать деспотия. Далее Екатерина задает себе вопросы, касающиеся доходов Го[сударств]а, между которыми замечателен следующий: Каким образом сделать, чтобы гражданам не тяжело было платить подати? Она разрешает его так: Налоги должны быть разложены равномерно на всех граждан, и должны увеличиваться вместе с роскошью в Г[осударств]е. Замечая при этом, что ничего так не делает налоги тяжелыми для граждан, как монополии. — Имущества Г[осударств]а она разделяет на мысленные и действительные, на естественные и приобретенные. — Действительные разделяются еще на движимые и недвижимые. — Эти же еще на имущества Государ[ства] и частных лиц. — Далее она разделяет все финансовое управление на политическое и экономическое. Предметом политического управления есть знание о состоянии, о звании и об упражнении всех людей и пользы Г[осударств]а. предметом же экономического управления есть получение доходов, распределение расходов и отношения между ними. — Вообще о Наказе Императрицы Екатерины можно сказать следующее. — В нем, как я уже прежде сказал, везде мы находим два противоположных начала — дух революционный, под влиянием которого находилась тогда вся Европа, и дух деспотизма, от которого тщеславие ее заставляло ее не отказываться. Хотя она признавала превосходство первого, не менее того в ее наказе преобладает последний. — Она республиканские идеи, заимствованные большей частью от *Montesquieu* (как справедливо замечает Мейер (7)), употребляла как средство для оправдания деспотизма, но большей частью неудачно. — От этого-то в ее наказе нам часто встречаются мысли, нуждающиеся в доказательствах, без оных, мысли республиканские рядом с мыслями самыми деспотическими и наконец часто выводы совершенно антилогические. — При первом взгляде на этот наказ мы узнаем, что это был плод ума женщины, которая, несмотря на свой великий ум, на свои возвышенные чувства, на свою любовь к истине, не могла подавить своего мелочного тщеславия, которое помрачает ее великие достоинства. — Вообще мы находим в этом произведении более мелочности, чем основательности, более остроумия, чем разума, более тщеславия, чем любви к истине, и наконец более себялюбия, чем любви к народу. Это последнее направление проявляется во всем наказе, в котором мы находим только одни постановления, касающиеся Публичного права,

т. е. отношений Государства (ее собственных отношений, как представительницы оно́го), чем Гражданского, т. е. отношений частных граждан. В заключение скажу, что Наказ этот принес больше славы Екатерине, чем пользы России. —

<...>

должны были войти в проект Нового уложения. Был издан Екатериной II вместе с «Наказом».

¹⁰ Братья Сергей и Михаил *Пушкины*, сыновья тайного советника графа Алексея Михайловича Пушкина, были изобличены в изготовлении фальшивых ассигнаций. В 1772 г. указом Правительствующего сената были приговорены к смертной казни. Екатерина II смягчила приговор, предписав лишить обоих братьев чинов и дворянства и заменить смертную казнь для Сергея — пожизненным заключением, для Михаила — ссылкой. Сергей умер в Соловецком монастыре, Михаил — в Тобольске. Екатериной II было предписано также впредь именовать их только «бывшими Пушкиными».

¹¹ Имеется в виду наиболее значительная работа французского философа-просветителя Поля Анри Гольбаха (1723–1789) «Система природы, или О законах мира физического и мира духовного» (1770). В этой работе Гольбах систематизировал материалистические и атеистические идеи эпохи Просвещения. «Система природы», являвшая собой, по определению современников, «библию материализма», была в числе других сочинений Гольбаха включена в Индекс запрещенных книг.

¹² *Ликург* — легендарный спартанский государственный деятель, живший предположительно в IX–VIII вв. до н.э. Греческая традиция возводит к нему начало общественно-политического устройства, которое будет господствовать в Спарте на протяжении нескольких веков. В частности, ему приписывается учреждение совета старейшин (герусии), народного собрания (апеллы), введение общественных трапез, обязательной военной службы, суровой дисциплины в воспитании юношества, мер против роскоши и пр.

¹³ *Карл I (Charles I)* (1600–1649) — король Англии (с 1625 г.) из династии Стюартов. Жесткая политика, направленная на укрепление абсолютной королевской власти с опорой на единую Англиканскую церковь, привела к гражданской войне и революции, в результате которой Карл I был казнен.

¹⁴ *Генрих IV (Henri IV)* (1553–1610) — король Наварры (с 1572 г.) и Франции (с 1589 г.), основатель французской королевской династии Бурбонов. Проводил политику, направленную на прекращение религиозных противостояний между католиками и протестантами. В 1598 г. подписал Нантский эдикт, даровавший свободу вероисповедания протестантам и положивший конец религиозным войнам. Был убит католическим фанатиком Ф. Равальяком.

Л. Н. Толстой

<О «Наказе» Екатерины и «Духе законов» Монтескье> <Фрагмент из «Дневника. 1847–1854» >

Печатается по: Толстой, Л. Н. Дневник. // Полн. собр. соч. Т. 46. — М., 1937. — С. 4–28, 318–320.

¹ Дневники Толстого составляют значительную часть литературного наследия писателя. Сохранилась 31 тетрадь с дневниковыми записями (4700 рукописных листов). Первые записи относятся к марту 1847 г. в бытность Толстого студентом первого курса юридического факультета Казанского университета. Последняя запись была сделана 3 ноября 1910 г. на станции Астапово (за четыре дня до кончины). Толстой принимался за ведение дневника с целью самовоспитания и самообразования («Теперь же, когда я занимаюсь развитием своих способностей, по дневнику я буду в состоянии судить о ходе этого развития», запись от 7 апреля 1847 г.). Впоследствии, по мере взросления и погружения в литературную деятельность, помимо записей о себе, появляются многочисленные размышления на самые разнообразные темы — общественно-политические, философские, религиозные, этические и пр. Значительное место в дневниках занимают мысли и материалы, относящиеся к будущим сочинениям писателя, а в последние десятилетия жизни — записи о встречах, отзывы о прочитанном, а также оценка собственных произведений.

² Большая часть екатерининского «Наказа Комиссии о составлении проекта нового Уложения» была первоначально написана на французском языке. Первое издание вышло в Санкт-Петербурге в 1767 г. в русском переводе. Толстой в своем Дневнике приводит цитаты на латинском языке, из чего следует, что он пользовался вторым изданием «Наказа», выпущенным Петербургской Академией наук в 1770 г. параллельно на четырех языках: русском, латинском, немецком и французском. В автобиографической заметке, сообщенной П. И. Бирюковым, Толстой говорит: «Сверх факультетских предметов Мейер, профессор гражданского права, задал мне работу: сравнить “Esprit des lois” Montesquieu с “Наказом” Екатерины, и эта работа очень заняла меня». Эта работа Толстого и составляет дневниковые записи от 18–26 марта 1847 г.

³ *Дракон (Драконт)* — древнегреческий законодатель VII в. до н.э. С его именем связывают составление в 621 г. до н.э. первого письменного свода законов для Афинской республики. Законы были зафиксированы на деревянных табличках, позднее — высечены на камне, что делало их доступными для каждого грамотного горожанина. Новаторскими были разделение на умышленное и непредумышленное убийство, отмена кровной мести. В целом законы Дракона отличались чрезвычайной суровостью, предусматривая смертную казнь даже за мелкие правонарушения. Представления о жестокости этих законов стали легендой еще в древности, породив выражение «драконовские меры».

⁴ *Ликург* — см. выше примеч. 12 к статье М. Щербатова.

⁵ *Ефимок* (искаженное от первой части немецкого слова Joachimstaler) — русское наименование крупной серебряной монеты, бывшей в обращении в России в XVI—XVIII вв. Екатерина переводит этим словом французское экю.

⁶ Иван Андреевич Крылов (1768–1844) — российский баснописец и издатель литературных журналов. Речь идет о басне «Гуси», в которой гуси

требовали к себе почтения на том основании, что ведут свой род от тех гусей, «которым некогда был должен Рим спасеньем».

⁷ Дмитрий Иванович Мейер (1819–1856) — российский правовед. Первым разработал и начал читать студентам курс по русскому гражданскому праву. Преподавал сначала в Казанском университете (1845–1855), затем в Петербургском университете (1855–1856). По отзывам современников, Мейер отличался независимым мышлением и стремился приучить к тому же своих учеников. «По талантливости и уровню образования Мейер был очень выдающимся для того времени явлением. Кроме обширного материала, расположенного в строго научной системе, лекции Мейера были проникнуты тем гуманным характером, той смелостью чувства, которые должны были увлекательным образом действовать на учеников. Когда в 40-х годах с кафедры раздается голос протеста против крепостничества, чиновничьего взяточничества, против различия в правах по сословиям и вероисповеданиям — приходится заключить, что профессор обладал значительным гражданским мужеством» («За сто лет. Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Казанского университета» / Под ред. Н. П. Загоскина. — Казань, 1904. — Ч. II. — С. 47). Лекции Мейера были записаны его слушателями и после его смерти изданы отдельной книгой («Русское гражданское право». Казань, 1858-1859). Книга выдержала несколько переизданий и долгое время служила университетским пособием по гражданскому праву. Толстой имеет в виду лекцию или беседу с Мейером, т.к. его труды впервые были напечатаны уже после 1847 г. О Мейере см.: Загоскин, Н. П. Студенческие годы Л. Н. Толстого // Исторический вестник. — 1894. — № 1; Назарьев, В. Н. Жизнь и люди былого времени // Исторический вестник. — 1890. — № 12; Пекарский, П. П. Студенческие воспоминания о Д.И. Мейере, профессоре Казанского Университета // Братчина. — СПб., 1859. — Ч. 1.

VI. МОНТЕСКЬЕ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ **(в том числе Монтескье как персонаж** **литературных произведений)**

Давид Исаакович Белкин
(1925-2005)

Российский литературовед, филолог-компаративист, автор кандидатской диссертации «Концепция Востока в творчестве Пушкина» (1969).